

К ВОПРОСУ О РАЦИОНАЛИЗМЕ В РОССИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Рассматривается процесс развития рационализма в российской архитектуре, проявившегося в двух направлениях – «кирпичном стиле» и модерне, на примере творчества наиболее ярких его представителей.

Рационализм в российской архитектуре приходится на период с середины XIX до начала XX в. Появление рационалистических течений в России относится к 1850–1870-м гг. Основателем рационалистического течения в архитектуре считается инженер, крупнейший теоретик архитектуры середины XIX в., профессор Аполлинарий Казанович Красовский. В труде «Гражданская архитектура. Части зданий», изданном в 1851 г. и являвшемся первым и единственным печатным руководством по этому предмету, А.К. Красовский изложил свои теоретические установки на рациональное течение.

Согласно этой рационалистической теории полезное и рациональное в архитектуре, цель и назначение здания являются стилеобразующими факторами, а источником художественных форм выступают строительный материал, техника, конструкции. Рационализм этого периода Красовский подразделял на два направления. Первое направление представляли рационалисты-эстетики, для которых главным была форма. Эстетики рассматривали архитектуру «как искусство отвлеченных форм, анализировали на этом основании впечатления, производимые каждой из них, и, сообразно с правилами, извлеченными а priori из своих умозаключений, составляли формы частей здания и группировали их для составления целого. Материал, из которого выводится строение, должен был быть избран, согласно впечатлению, произведенному им на наше эстетическое чувство» [1. С. 29]. Второе направление представляли рационалисты-техники, которые главный акцент делали на конструкцию. Рационалисты-техники считали, что назначение здания должно быть главным и должно определять его формы, поэтому каждая форма должна была быть выполнена «тщательно и чисто». Техники считали, что «целое должно быть следствием назначения здания; части – следствием свойств материалов и способов их употребления» [1. С. 28–29]. Части зданий, по мнению рационалистов-техников, должны были быть «сообразны нашему климату, нашим материалам и нашим вещественным и нравственным потребностям». В соответствии с этими принципами «формы частей зданий и формы целых зданий должны были образоваться, без ведома нашего, рациональный, современный и национальный стиль, которого не возможно искать а priori» [1. С. 28].

К концу XIX в. уже сложно было отделить рационалистов-эстетиков от рационалистов-техников. Приемы и принципы этих двух направлений слились воедино, образовав единое направление. От рационалистов-эстетиков в архитектуре рубежа XIX–XX вв. присутствовало «стремление применять архитектурные формы сообразно производимому ими впечатлению», от рационалистов-техников было заимствовано, чтобы «целое было следствием назначения здания» [2. С. 3]. Главный принцип рационализма обозначился более

четко в архитектурных тенденциях конца XIX в. и озвучивался в периодической печати так: «...в наше время каждый хороший архитектор старается прежде всего обработать свой план и фасад так, чтобы “целое” прежде всего выражало назначение здания, т.е. чтобы дом-особняк смотрел “особняком”, а не доходным домом, а гимназия – “гимназией”, а не казармами» [2. С. 3].

К концу XIX в. рационализм прочно вошел в архитектурную жизнь России. Идеи рационализма постоянно обсуждались в специальной периодической печати, на съездах и конференциях, воплощались в постройках. Хорошим плацдармом для обсуждения существующего положения в зодчестве России и актуальных архитектурно-строительных вопросов стали съезды русских зодчих, начавшие проводиться с конца XIX в. Так, на первом съезде русских зодчих, проходившем в 1892 г. в Петербурге, главным в программе было обсуждение проблемы стиля и в частности идей рационализма: «Рациональное направление – это то, когда зодчий игнорирует те рамки, которые ему поставлены, и добивается удовлетворить предъявленным ему требованиям в общих чертах, а затем уже обращается к придаче требуемым формам художественной обработки», – говорил архитектор П.Ю. Сюзор, открывая первый съезд [3. С. 12]. На втором съезде русских зодчих, проходившем в 1895 г., П.Ю. Сюзор в своей речи раскрыл основное значение идей рационализма в культуре России, называя его «реальным направлением»: «...со второй половины нашего века намечается в науке, в литературе, в искусстве особое реальное направление. Общество требует от ученых применения их открытий к улучшению условий его жизни, от художника – картин, изображений, взятых из действительной жизни. Что же оно требует от зодчего? Общество требует, прежде всего, удовлетворения его реальных требований. Люди проводят большую часть своей жизни в огражденных от непогоды помещениях, будь это школы, больницы, казармы и проч., и недостатки этих помещений должны непосредственно отзываться на условиях жизни в них людей, на их здоровье, на их деятельности и способности к труду... Значение, приобретаемое зодчим в деле общественного здоровья, поднимет в общественном мнении его значение и труды и сблизит его еще более с тем обществом, среди которого он живет и работает и требованиям которого он должен удовлетворить» [4. С. 20–21].

Хотя к 1900-м гг. рационализм был одним из ведущих течений в архитектурной жизни страны, но построек, выполненных в рационалистическом направлении, было не так и много. В статье, опубликованной в 1900-м г., отмечалось: «Значительное большинство строит “как все”, т.е. в стилях современной “европейской” архитектуры, или в одном из оттенков итальянского или французского Возрождения, с применением

многих строительных приемов, выработавшихся исключительно на русской почве и чуждых совершенно Западной Европе» [2. С. 4].

Главное направление рациональной архитектуры, точнее говоря, направление, которое смогло вылиться в самостоятельный стиль, – «кирпичный стиль». Идеи и принципы рационализма стали основополагающими именно в «кирпичном стиле». Инициаторами и наиболее активными пропагандистами «кирпичного стиля» были архитектор В.А. Шретер и гражданский инженер И.С. Китнер.

Ярый приверженец «кирпичного стиля» гражданский инженер И.С. Китнер доказывал «громадное значение кирпичных построек», выделяя их среди остальных как в практическом, так и в художественном отношении. В своей статье «Кирпичная архитектура» И.С. Китнер писал: «...употребление кирпича как материала, весьма удобного для украшения фасадов строений, представляет во всех отношениях большую выгоду. Кирпичная облицовка фасада несравненно рациональнее штукатурной ее отделки. Строение с кирпичной облицовкой имеет в нашем климате большую прочность и возводится в гораздо меньший срок» [5. С. 84]. Приводя довод о том, что «нет разумной причины не пользоваться преимуществами того материала, из которого возведено строение и скрывать его под слоем штукатурки», И.С. Китнер призывал кирпичных заводчиков усовершенствовать выделку кирпича.

Как один из наиболее интересных примеров использования «кирпичного стиля» Китнер предлагал загородное дачное строительство. Следуя опыту немца Гитцита, выполнившего множество подобных больших вилл недалеко от Берлина, Китнер предлагал следующее: «Для постройки собственно загородных домов лучше всего употреблять кирпич без штукатурки. Красный цвет кирпича, среди зелени деревьев, бесспорно, представляет более художественный и приятный вид, чем скучный цвет наших окрашенных краской гипсовых фасадов, не говоря уже об относительной непрочности последних» [5. С. 86].

В застройке Петербурга в качестве примеров «кирпичной» архитектуры И.С. Китнер выделял следующие здания. Это дом Татищева по Караванной улице, построенный по проекту архитектора Робена. Несмотря на то, что фасады этого дома предназначались для оштукатуривания, но по каким-то причинам остались в кирпичном исполнении, кладка была настолько хорошо выполнена, что этот дом, по мнению Китнера, мог служить образцом для подражания [5. С. 87]. Если это здание Китнер еще не причислял к кирпичной архитектуре, то дом Полицейского управления Коломенской части уже был приближен к «кирпичному стилю». Хотя по форме оно «еще очень напоминает штукатурные фасады, однако все здание выведено из кирпича и служит как бы переходом к стремлениям чисто кирпичным по форме» [5. С. 87]. Ярким примером «кирпичного стиля» Китнер называл газовый завод и мукомольную мельницу гражданского инженера Р.Б. Бернгарда, «фасады которых представляют отличный тип заводской архитектуры, где кирпич вполне удовлетворяет своему назначению», а также Реформаторскую церковь, построенную в Петербурге профессором архитектуры

Д.И. Гриммом по проекту профессора Ю.А. Боссе в 1862–1865 гг. [5. С. 87]. Церковь, как отмечали современники, была «одним из лучших образчиков нашей кирпичной архитектуры» [6. С. 16].

Здания «кирпичного стиля» были и более экономичны по сравнению со зданиями, имеющими оштукатуренные фасады. И.С. Китнер доказывал экономичность кирпичных строений, приводя следующие расчеты. Так, стоимость одной квадратной сажени оштукатуренного фасада равна 41 руб., а стоимость неоштукатуренного – всего 35 руб. При этом неоштукатуренный фасад не нуждался в таком частом ремонте, как оштукатуренный [5. С. 86]. Другой приверженец «кирпичного» направления – архитектор В.А. Шретер – в 1873 г. в описании одной из своих построек, выполненной в «кирпичном стиле», заметил, что «кроме большой прочности, оригинальности и рациональности, сравнительно с оштукатуренными фасадами, избранная в данном случае архитектура имеет еще преимущество большей дешевизны при устройстве и впоследствии при ремонте, ибо такового не потребуется, вероятно, в продолжение многих лет» [7. С. 139].

Несомненно, приверженцы «кирпичного стиля» понимали, что в здании, фасады которого остаются в кирпичном исполнении, кладка должна была быть выполнена безукоризненно. Если в оштукатуренных фасадах огрехи кладки могла скрыть штукатурка, то в кирпичном исполнении все должно было быть безукоризненным. Поэтому И.С. Китнер призывал архитекторов и строителей иметь более серьезное отношение к строительному делу: «Зодчий, имеющий дело с художественным камнем, неминусом строже примется за выполнение рабочих чертежей, глубже обдумает конструкцию и невольно очистит все формы от излишних прибавок и украшений, стремясь к простоте и истинному изяществу. Настоящее художественное произведение должно быть сооружено из настоящего материала...» [3. С. 247–249].

Но все же не все принципы рационализма полностью использовались в «кирпичном стиле». Главным было выведение нового стиля непосредственно из материала, а именно облицовочного кирпича. Также и идеологи «кирпичного» стиля В.А. Шретер и И.С. Китнер в основном стремились избавиться от недолговечной известковой штукатурки и органично насытить архитектуру цветом за счет применения полихромного кирпича с деталями из штукатурки, терракоты, цветных изразцов [8. С. 32]. Однако эта тенденция, по мнению А.Л. Пунина, проявилась в измельченных и эклектичных формах. Исследователь русского зодчества Е.И. Кириченко также отмечает, что для «кирпичного» стиля художественность все же остается синонимом украшения, «...кирпичная орнаментация трактуется подобно формам традиционных стилей: те же приемы размещения, симметрично-осевая композиция, фронтальность... использование цвета как средства выделения отдельного мотива», а отличительной особенностью фасадов являлась ориентация на выразительность целого, а не отдельной детали [9. С. 167].

«Обширную будущность» предрекали «кирпичной архитектуре» еще в 1870-х гг. [10. С. 79]. Действительно, вскоре «кирпичный» стиль «стал символом практи-

ческих устремлений века, материалом и “стилем” массового, дешевого строительства» [9. С. 164]. В столичных городах в «кирпичном» стиле строились фабрики и заводы, доходные дома, учебные заведения и другие здания массового назначения. Тем не менее, как отмечалось в периодике рубежа XIX–XX вв., фасады из тесового камня были редкостью, а у громадного большинства построек выполнялись все же «штукатурные» фасады [2. С. 4].

Наиболее массовым «кирпичный стиль» стал в строительстве провинций и, в частности, в городах Западной Сибири. Это, несомненно, было связано с модернизационными процессами, которые к этому времени стали наиболее активными. Модернизация требовала значительного увеличения строительства, появления новых типов зданий и сооружений. При таком положении «кирпичный стиль» был наиболее приемлемым и мобильным. Наиболее удобен «кирпичный стиль» стал при возведении построек массового назначения. Учебные заведения (институты, училища, гимназии, школы), промышленные предприятия (заводы, фабрики и т.п.), комплексы военного назначения (казармы, военные склады и т.п.), мелкие торговые предприятия (лавки, складские помещения и т.п.) проектировались в «кирпичном стиле». Впрочем, так же, как и в крупных российских городах, наиболее значимые объекты в Западной Сибири строились в большинстве своем с применением штукатурки, а в «кирпичном стиле» выполнялось в основном утилитарное строительство.

Вторым направлением, в котором идеи и принципы рационализма нашли свое воплощение, был модерн. Охарактеризуем кратко положение в архитектуре России по времени появления модерна, тем более что этот период долгое время не имел однозначной трактовки. В периодике рубежа XIX–XX вв. писали: «Под влиянием Запада, главным образом Франции, а отчасти Англии и Америки, у нас появились самоновейшие влияния так называемого “Нового Искусства”, художественная физиономия которого еще не успела вполне определиться» [2. С. 5]. Появление модерна в России приходится на период так называемого кризиса в архитектуре. Но сразу же следует оговориться, что кризисом это период называли его современники; также неоднозначное его понимание было в советское время (приблизительно до 1970-х гг.), когда классицизм уже давно полностью изжил себя, проявляясь лишь отдельными стилизованными элементами; «русский» стиль практически закончил свое развитие, а если и появлялся, то в отдельных постройках; рационализм использовался в постройках, но не получил общего признания. Известный российский зодчий своего времени гражданский инженер Александр Иосифович Бернардацци так оценивал это время: «Все мы привыкли к упреку в бесхарактерности, обращенному к нашему времени. Трудно современнику разобраться в таких вопросах, в которых он и судья, и подсудимый вместе. Целые эпохи можно оценивать только издали. Как большие горы в своих крупных очертаниях, они становятся понятны только на расстоянии. Так и наше время, с его бесконечно разнообразными явлениями, с его новыми воззрениями и приемами, – во всех областях, с его творчеством в искусстве. Признается, что наше время не в состоянии

создать стиля. Действительно, если архитектура есть лапидарный язык эпох и народов, если стиль есть продукт целого строя воззрений и верований, плод единого и общенародного мирозерцания, то нельзя уклониться от признания, что век рационального анализа критики и сомнений не в состоянии вдохнуть своим произведениям единого выражения, отметить свое творчество печатью солидарности чувства, присущего массам и эпохам. Нет единства, не может быть и единой формы, нет и стиля» [11. С. 105]. Многие усматривали в этот период упадок искусства, что и было отмечено еще на открытии I съезда русских зодчих. «Причины явного упадка вкуса гражданской архитектуры нашего времени кроются... в многочисленных переменах... еще не установившихся и препятствующих художникам выбрать одно общее и постоянное направление во всех отраслях искусства... в настоящее время мы переживаем борьбу старых преданий в архитектуре с новыми воззрениями» [12. С. 2].

В свете смены парадигмы в истории архитектуры в современном прочтении так называемый кризис, наоборот, представляет для исследователя интереснейший материал. Исследователь российской архитектуры В.Г. Лисовский отмечает, что «исторические материалы, оставленные эти временем, вряд ли будут когда-нибудь исчерпаны... нет сомнения в том, что к ним постоянно будут обращаться исследователи, ибо рубеж XIX и XX вв. может рассматриваться как один из главных, узловых периодов истории современной архитектуры; рожденные им теоретические идеи и концепции продолжают оказывать влияние на архитектурную практику вплоть до нашего времени» [13. С. 239]. Это было время «...особенно острого противоборства и оживленного взаимодействия различных стилистических направлений. Большая активность специальной периодической печати, интенсивная деятельность архитектурно-строительных обществ, созыв нескольких съездов, вошедшее в правило регулярное проведение конкурсов – все это определяло такую напряженность архитектурной жизни, какой не знал ни один другой из предшествовавших периодов истории отечественного зодчества» [13. С. 239].

Наличие рациональности в модерне отмечают как современные исследователи архитектуры, так и современники появления модерна в России. Современные исследователи российской архитектуры пишут, что возникновение модерна в России было закономерным результатом процессов, которые совершались в мировом зодчестве второй половины XIX в. и в том числе в русской художественной культуре, что и подготовило зарождение новой архитектурной эстетики [14. С. 183]. Более того, формирование модерна, или «нового стиля», как его называли в России, явилось одним из закономерных результатов развития рационалистических тенденций в архитектуре XIX столетия [13. С. 239]. Рационалистические теории, провозглашенные на двух первых съездах русских зодчих, рассматривались как «стремление к правде в архитектуре», при этом «архитектура модерна... отразила не только декоративно-пластические искания эпохи, но и те изменения в понимании природы архитектурного организма, которые были связаны с успехами строительной техники» [14. С. 182].

«Общая тенденция к целесообразности», «трезвый продуманный подход к решению плана, построению пространства, организации жизненной среды» – вот те принципы рационализма, которые были взяты из него модерном [14. С. 182]. Особенности планировочных решений всегда выявлялись в облике здания. Холл или вестибюль на фасаде выделялись большим окном, вход – порталом или башней, лестничная клетка – вертикальным остеклением, разные по величине и назначению комнаты – оконными проемами разнообразной величины и формы. В облике здания, как правило, находило отражение его функциональное назначение. Таким образом, осуществлялся один из принципов модерна «изнутри-наружу», который свои истоки брал из рационалистической теории. Планировочное решение здание предопределяло объемное решение и наоборот. Современные исследователи рациональность в модерне выделили в самостоятельное направление, назвав его «рациональным модерном». Такие приемы и элементы, как применение цветных изразцов, ориентация на выразительность целого, а не отдельной детали были взяты модерном из «кирпичного стиля».

Наиболее яркое воплощение идеи рационализма нашли в архитектуре Петербурга. Постройки в «кирпичном стиле» в Москве отличались от зданий этого же направления в Петербурге. Как в Москве, так и в Петербурге фасады зданий были полихромны, но если в Москве на более темной поверхности вкрапления светло-желтого или желтовато-розоватого кирпича были заподлицо с основной поверхностью фасада, то Петербургские выделялись еще рельефом и пластикой [9. С. 167]. Рациональность в постройках модерна тоже более присуща петербургскому зодчеству. Авторы Е.А. Борисова и Г.Ю. Стернин выделяют рациональность, особенно присущую петербургским особнякам, которые отличались большей аскетичностью, геометризмом и графичностью рисунка. В облике особняков часто сочетались натуральный камень и облицовочный кирпич, кованный металл и стекло, керамика и штукатурка [14. С. 255]. Московский модерн отличался большей мягкостью, подчеркнутой пластичностью декоративных форм и архитектурных объемов.

Предпосылки для распространения идей рационализма были и в провинции, в частности в Западной Сибири. Во-первых, в это время наиболее интенсивно проходили процессы модернизации и урбанизации, которые требовали увеличения строительства объектов утилитарного назначения, промышленных предприятий и учебных заведений; появления новых типов зданий и сооружений – пассажей, банков, народных домов; применения конструкций из металла, бетона и железобетона, внедрения каркасных систем. Во-вторых, имело место то обстоятельство, что в Западной Сибири большую часть архитектурных кадров составляли выпускники ИГИ, которые и являлись в первую очередь проводниками идей рационализма в архитектуре.

Рационализм в Западной Сибири, так же как и в столичных городах, нашел свое применение как в зданиях «кирпичного стиля», так и в зданиях, построенных в стиле модерн. В городах Западной Сибири постройки «кирпичного стиля» в отличие от зданий столичных были преимущественно монохромными. Несомненно,

это было связано с их художественной выразительностью. Постройки «кирпичного стиля» в Западной Сибири были большей частью утилитарного назначения и потому не претендовали на какую-либо претенциозность, в отличие от своих собратьев по стилю в Москве и Петербурге. Постройки рационального модерна также стали появляться в городах Западной Сибири. Так, например, в Томской губернии постройки рационального модерна составляли 56% от общего числа зданий, выполненных в этом стиле [15. С. 16]. Среди общего числа построек, выполненных в стиле рационального модерна, большую часть составляли учебные заведения, а именно 73%.

Основными проводниками рационалистических теорий в архитектурную практику России были российские гражданские инженеры. В своей речи, произнесенной в день освящения здания Строительного училища и в день его 40-й годовщины, гражданский инженер Н.В. Султанов говорил, что в училище «из всех архитектурных направлений – классического, романтического и рационального – всегда преобладало и будет преобладать последнее», которое заключается в том, что, по мнению «архитекторов-рационалистов», «строитель должен, во-первых, заботиться только о том, чтобы строение удовлетворяло вполне своему полезному назначению, впрочем это условие определяет общие формы зданий, а во-вторых, наблюдать, чтобы каждая часть здания была выполнена тщательно и чисто» [16. С. 71]. «Рассадником идей рационализма» называет Институт гражданских инженеров современный российский исследователь архитектуры Е.И. Кириченко [9. С. 162]. Исследователь творчества выпускников института гражданских инженеров А.В. Бадялов определяет рационализм как творческое кредо гражданских инженеров [17]. Это объяснялось тем, что большая часть зодчих, которые проповедовали идеи рационализма, работали или учились в Институте гражданских инженеров (или Строительном училище). Автор рационалистической теории А.К. Красовский преподавал в ИГИ. Один из двух первых зодчих И.С. Китнер, в творчестве которого нашли воплощение идеи рационализма, был выпускником Института гражданских инженеров и также преподавал там. Из Института гражданских инженеров (или Строительного училища) вышли такие зодчие, в творчестве которых идеи рационализма были основополагающими, как Р.Б. Бернгард, К.Я. Маевский, А.Ю. Новицкий, В.Г. Шаламов, П.С. Купинский, В.Р. Бернгард, А.И. Дитрих, А.В. Кегель, И.И. Герасимов, К.Н. де Рошефор, А.Ф. Бубырь и др. В Западной Сибири идеи рационализма особенно ярко обнаруживаются в творчестве таких ведущих зодчих гражданских инженеров, как К.К. Васильев, Ф.Ф. Гут, А.И. Дитрих, А.Д. Крячков, П.П. Наранович, Б.Я. Шокальский.

Таким образом, теория рационализма, появившаяся в середине XIX в., получила свое развитие в архитектуре в 1870–1880-х гг. Теория рационализма не породила новый самостоятельный стиль, но была заимствована двумя новыми направлениями – «кирпичным стилем» и модерном. Наиболее яркое и полное воплощение идеи рационализма нашли в «кирпичном стиле», получившем наибольшее распространение в архитектуре европейской части России в 1870–1890 гг. Неко-

торые принципы рационализма были приняты и модерном. Получив свое развитие в столичной архитектуре, рационализм был подхвачен и провинциальной архитектурой, а именно архитектурой городов Западной Сибири, проявившись как в «кирпичном стиле», так и в модерне. Процессы модернизации и урбанизации, ставшие с 1880-х гг. особенно активными, подготовили благоприятную почву для рационализма. Увеличение гражданского и промышленного строительст-

ва, появление новых типов зданий, применение новых материалов и технологий – все это хорошо вписывалось в принципы рационализма. Наиболее ярко рационализм проявился в архитектуре Петербурга и в особенности в творчестве выпускников Института гражданских инженеров, где идеи рационализма были основополагающими. Рационализм в городах Западной Сибири также был наиболее характерен для творчества российских гражданских инженеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гражданская архитектура. Части зданий. Сочинение Аполлинария Красовского.* – СПб., 1851. – 579 с.
2. *Главные течения в нашей современной архитектуре // Строитель.* – 1900. – № 1–2. – С. 1–6.
3. *Труды I съезда русских зодчих в СПб. 1892.* – СПб., 1894.
4. *Сюзор П.Ю.* О значении санитарного зодчества / П.Ю. Сюзор // Труды II съезда русских зодчих в Москве. – М., 1899. – С. 20–21.
5. *Китнер И.* Кирпичная архитектура / И. Китнер // Зодчий. – 1872. – № 6. – С. 84–87.
6. *Случайный корреспондент.* Заметка // Зодчий. – 1873. – № 1.
7. *Шретер В.* Обывательский дом и фабрика шелковых изделий А.И. Ниссена / В. Шретер // Зодчий. – 1873. – № 12. – С. 137–141.
8. *Пунин А.Л.* Черты «рациональной архитектуры» в строительной практике Петербурга / А.Л. Пунин // Строительство и архитектура Ленинграда. – 1964. – № 2. – С. 30–32.
9. *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов / Е.И. Кириченко. – М.: Искусство, 1978. – 399 с.
10. *Куроедов В.П.* Берлинская архитектура (путевые заметки) / В.П. Куроедов // Зодчий. – 1876. – № 7.
11. *Бернардацци А.О.* Народный музей будущего / А.О. Бернардацци // Зодчий. – 1900. – № 8. – С. 105–108.
12. *Речь председателя первого отдела Р.А. Гедике // Труды I съезда русских зодчих в СПб. 1892 г.* – СПб., 1894.
13. *Лисовский В.Г.* «Национальный стиль» в архитектуре России / В.Г. Лисовский. – М.: Совпадение, 2000. – 415 с.
14. *Борисова Е.А., Стернин Г.Ю.* Русский модерн / Е.А. Борисова, Г.Ю. Стернин. – М.: Советский художник, 1990. – 359 с.
15. *Башкирцева А.Н.* Стиль модерн в архитектуре городов Томской губернии (конец XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. архит. / А.Н. Башкирцева. – Новосибирск, 2006. – 24 с.
16. *Султанов Н.В.* Одна из задач Строительного училища / Н.В. Султанов // Зодчий. – 1882. – № 5. – С. 71–72.
17. *Бадялов А.В.* Архитектурное творчество гражданских инженеров в Петербурге второй половины XIX – начала XX веков: Автореф. дис. ... канд. архит. / А.В. Бадялов. – Л., 1986. – 18 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2008 г.